

ЛЕНА ЛЕТНЯЯ

ПРОКЛЯТЫЙ
РЕКТОР



МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л52

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на обложке *И. Косулиной*

Летняя, Лена.

Л52 Проклятый ректор / Лена Летняя. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-106432-7

Мне оставалось отучиться год. Один год — и я могла получить свободу и независимость, о которых мечтала с детства. Однако внезапная и очень подозрительная смерть матери перевернула мой мир. Она оставила после себя множество вопросов, а единственный шанс найти ответы — отправиться в самый элитарный университет Республики. Я думала, что снобизм новых сокурсников станет главной моей проблемой, но ошиблась. Ответы, которые я ищу, могут стоить мне жизни, а меня почему-то теперь больше заботит судьба ректора, над которым висит проклятие.

Роман продолжает цикл, начатый «Магическим спецкурсом», но является отдельной историей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Летняя Л., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106432-7

Глава 1

Звонкая пощечина обожгла щеку и отозвалась знакомым жаром в груди, но мои глаза остались сухи. Только гневно сверкнули на отца, которого практически трясло от злости. Не то чтобы мне не было больно, обидно или страшно. Крутой нрав отца приводил меня в трепет с самого детства, но даже в детстве я никогда не плакала. Говорят, я не делала этого даже в младенчестве. Орать, конечно, орала, как все новорожденные, но слез никогда не было. И на недавних похоронах матери, на которых я едва не задохнулась от отчаяния, тяжелым камнем придавившего грудь, мои глаза не проронили ни одной слезинки. Сейчас огонь вспыхнул где-то на уровне солнечного сплетения, но глаза даже не увлажнились.

— Я не выйду за него замуж, — чеканя каждое слово, отрезала я, держась за покрасневшую щеку и обхватив себя другой рукой, словно закрываясь от отца. — Мне плевать, что он твой друг и сосед. Я тебе не корова, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Я твоя дочь!

Мы вели этот разговор уже не первый раз. Пятый, если говорить точно. За пять дней, прошедших со смерти мамы, мы говорили об этом уже пятый раз. И с

каждым разговором отец становился все настойчивее, а его слова — все резче. Но ударил он меня впервые. За эту неделю.

— Не лъсти себе, Тара, — процедил отец, тяжело дыша. Его взгляд жалил гораздо сильнее пощечины. — Твоя мать притащила тебя из Лекса. Я всю жизнь терпел твоё присутствие только ради нее. И теперь ты либо выйдешь замуж за достойного человека, который пожелал тебя, уродку, либо можешь убираться на все четыре стороны и отныне обеспечивать себя сама. Видеть тебя в своем доме я больше не хочу.

Сказал — как чашку кипятка в лицо выплеснул. Я стояла посреди гостиной нашего небольшого, но благодаря стараниям мамы всегда уютного дома, и смотрела на отца широко распахнутыми глазами. В детстве у меня часто возникало подозрение, что он меня не любит и даже с трудом терпит, но маме всегда удавалось убедить меня, что это не так.

— Он же заботится о тебе, — говорила она. — Как и обо мне. Это и есть любовь.

Я верила, потому что никакой другой отцовской любви не знала и не видела. Но вот мамы не стало — и исчезла даже такая любовь. После этих слов стало понятно почему. Он действительно никогда не любил меня, только, видимо, маму. Достаточно сильно, чтобы терпеть в своем доме побочного ребенка, но недостаточно, чтобы полюбить и его.

Отец развернулся и ушел в свой кабинет, а я еще с минуту растерянно стояла посреди комнаты, захлебываясь обидой, миллионом вопросов и страхом перед будущим, которое внезапно стало таким зыбким. Еще вчера я думала, что настойчивое желание выдать меня замуж — это просто реакция отца на горе. Мне каза-

лось, что, если я как следует объясню, почему не хочу выходить замуж за нашего соседа, который, в сущности, был хорошим человеком, он поймет и не станет настаивать. Теперь же я поняла, что давно ему мешаю, если не сказать — раздражаю. Он не отступится, скорее, действительно выгонит меня из дома.

Когда первое оцепенение прошло, я почти бегом кинулась наверх, в свою комнату. Достала из шкафа сумку и принялась складывать в нее вещи, уменьшая каждую, чтобы экономить место и вес. Магический поток из-за всплеска эмоций подчинялся плохо, приходилось, направляя его в заклятия, плотно сжимать в кулаке маленькую подвеску — серебряный медальон, служивший мне фокусирующим артефактом. Словно я снова была маленькой девочкой, едва научившейся пользоваться магией.

К счастью, большая часть моих вещей давно перекочевала в Орту, где я училась уже третий год, а дома оставались только те, которые я носила редко. В письменном столе, в небольшом ящике за дверцей с магическим замком, и вовсе хранилась только шкатулка с небольшим количеством драгоценностей, которые мама начала дарить мне на дни рождения лет с пятнадцати. К неполным двадцати накопилась пара сережек, колечко да браслет. Шкатулка, которую мама вручила мне как первый подарок, явно была рассчитана на большее количество содержимого. Я схватила ее и засунула в сумку, не уменьшая. И тут же услышала грохот, словно на пол упало что-то тяжелое, но невидимое. Я пошарила рукой по полу и действительно наткнулась на невидимый предмет. После применения заклятия проявления оказалось, что я держу в руках еще одну шкатулку.

Эта новая шкатулка выглядела куда красивее той, что хранила мои украшения. И была немного больше. Поверхность крышки украшал витиеватый узор, сложенный из тонких серебряных нитей. Он изображал морское дно, местами общую картину дополняли крошечные ракушки и камешки. Нити сплетались в волны, водоросли и разнообразных рыбок, а по центру превращались в изящную русалку. Я коснулась пальцами узора, пробежала по шершавой поверхности ракушек, думая о том, что никогда в жизни не видела моря, но всегда хотела на него посмотреть. Мама об этом знала. Может быть, эта шкатулка — заранее заготовленный подарок на двадцатилетие? Оно только в апреле, а сейчас подходил к концу январь, но мама могла готовиться к моему совершеннолетию заранее.

Шкатулка была тяжелой сама по себе, но и внутри что-то лежало: содержимое грохнуло, когда она упала. Я попыталась поднять крышку, но та не поддавалась. Ни одно известное отпирательное заклятие не помогло, поэтому я в недоумении уставилась на шкатулку. Она закрыта до моего дня рождения? Или мама наложила какое-то сложное заклятие, которое теперь никто и никогда не сможет снять? Это подарок или какая-то тайна? Учитывая странные обстоятельства ее смерти, я легко могла поверить и в первое, и во второе.

Внизу громко хлопнула дверь. Видимо, отец все еще злился и не мог усидеть на месте. Я торопливо засунула вторую шкатулку в сумку и, выпрямившись, огляделась по сторонам. Забрать с собой всю комнату я не могла, даже понимая, что, возможно, никогда сюда не вернусь. Я взяла с полки еще пару любимых книг, уменьшила их и положила в сумку к остальным вещам.

Горечь снова зажгла огонь в груди. В каком-то смысле я любила этот дом, ведь другого у меня не было. Я не знала другой жизни, и все мои воспоминания, счастливые и не очень, связаны с фермой отца... то есть человека, которого я считала своим отцом. Все рухнуло слишком стремительно: еще неделю назад я писала маме письмо, делилась планами на каникулы, спрашивала, не будет ли отец против, если мы с ней пару дней проведем в Аларии — столице Второй Республики — в честь окончания мною третьего курса Орты. И вот теперь у меня нет ни матери, ни даже отца. И единственный человек, которому я нужна, — это наш сосед, который хочет на мне жениться. И как бы он ни был мне симпатичен раньше как друг семьи, меня не тянуло в неполные двадцать лет выходить замуж за фермера — ровесника моих родителей.

Плохо было то, что третий курс учебы в Орте заканчивался всего через месяц. Оставалось отучиться неделю да сдать экзамены. А за четвертый год отец — то есть муж мамы — может и не захотеть теперь платить. Да и до совершеннолетия мне еще почти три месяца. Пусть выдавать дочерей замуж насильно в магическом мире уже не принято, но определенное давление он все равно мог оказывать. Мне нужно было решить, что теперь со всем этим делать.

Я шагнула к двери комнаты, но на секунду задержалась у большого зеркала в пол, стоявшего у выхода, поймав в нем свое отражение. Конечно, назвав меня «уродкой», отец немного преувеличил. Я была достаточно хороша, чтобы мною соблазнился одинокий фермер сорока с небольшим лет: нормально сложена, хоть и худощава из-за тонкой кости, немного выше среднего роста, светлокожая, голубоглазая, с длинны-

ми светлыми волосами. Я знала, что многим мужчинам нравится подобная внешность.

Но, увидев в отражении по-прежнему совершенно сухие глаза на бледном, слегка осунувшемся лице, я подумала, что в чем-то действительно «уродка». Неумение плакать определенно было ненормальным. И, наверное, пугало людей, которые знали об этом. На похоронах я ловила на себе неодобрительные взгляды соседей и друзей семьи, которые наверняка считали, что мне просто нет дела до смерти мамы.

Я тряхнула головой и решительно потянула на себя дверь. Надо как можно незаметнее покинуть отчий дом и поскорее вернуться в Орту. До конца триместра у меня еще есть немного времени подумать и решить, что делать.

* * *

Тот день, когда я покинула отчий дом, как мне казалось, навсегда, я почти не помню. Наверное, что-то делала, что-то учила — ведь из-за похорон пропустила почти неделю учебы, а надо было готовиться к сессии, но все мысли крутились вокруг слов, которые мне сказал... ну да, мой отец. Поскольку другого у меня не было, а этого я привыкла считать родным, я решила, что так и буду его называть.

Я не понимала, как мама могла учиться в Лексе? Это самый древний университет в нашем мире. Его основал один из трех последних великих королей — Норд Сорроу. Еще пять веков назад последний правитель королевства Рейвен открыл в своей стране первую школу для обучения разным наукам и магии, до этого дети все постигали дома. Даже тогда Лекс предназначался исключительно для обучения знати. В него еха-

ли из разных стран, но принимались только отпрыски знатных, древних родов. Конечно, туда могли принять и кого-то по протекции при условии соответствующей оплаты, но такие случаи были редки.

Прошло пять веков, Лекс из школы превратился в университет, но критерии отбора учеников почти не поменялись: туда по-прежнему брали исключительно богатых и знатных, представителей современной политической, деловой, магической и творческой элиты и потомков древних родов. Могла ли мама быть из подобной семьи? Я была вынуждена признать, что теоретически возможно все.

Я очень мало знала о маме, кроме того, что видела каждый день. Она никогда не говорила о прошлом или о своей семье, о родителях. С самого детства я принимала это как непреложный факт, и мне в голову не приходило задавать какие-то вопросы. Как оказалось, зря.

Мама скрывала от меня не только правду о том, кем была до брака, но и о моем настоящем отце. Не хотела его помнить, знать и видеть? Не могла быть с ним по другим причинам и предпочла не делить эту боль со мной? Я терялась в догадках.

На следующий день я отправилась в библиотеку Орты, чтобы почитать про Лекс и убедиться, что мои знания об этом месте верны. Разглядывая в книге изображение мрачного, на мой вкус, замка с острыми шпилями башен, темным камнем стен и узкими стеклами окон, я думала о том, как мало видела в своей жизни. Нашу ферму, маленький городок неподалеку, Аларию да Орту. А ведь мир так велик. Не говоря уже о том, что совсем рядом, по другую сторону Занавеси, существует еще один мир, в котором живут обычные люди, не маги. Мир, из которого маги когда-то ушли,

но в который не так давно некоторые начали возвращаться. Орта принимает на обучение их детей, чтобы рассказать им в рамках спецкурса о нашем мире и научить пользоваться магическим потоком, поэтому здесь расположены порталы, через которые легко можно попасть в так называемую «европейскую часть», что бы это ни значило. А я ни разу не проходила через эти порталы, хотя они совсем рядом!

Каждый вечер перед сном я крутила в руках найденную в столе шкатулку, то снова пытаюсь ее открыть, то просто разглядывая утонченную отделку. Что там внутри? Ничего не значащие безделушки или что-то важное? Не зря же мама спрятала ее в моем столе да еще наложила невидимость! Прятала что-то от отца? Могло ли внутри быть что-то связанное с моим настоящим отцом?

Или внутри то, что стало причиной ее смерти?

Этот вопрос тревожил меня больше других. Я знала, что легионеры, расследовавшие случившееся, вынесли однозначный вердикт: несчастный случай. Отец на пару дней покидал ферму по делам, а когда вернулся, обнаружил маму мертвой у подножия лестницы. С помощью специального ритуала легионеры выяснили, что смерть была ненасильственной. То есть никто не помогал маме упасть, она упала сама. Это почти невозможно: даже если бы она оступилась, инстинкт самосохранения призвал бы магический поток, и левитация остановила бы падение. Так происходило в большинстве случаев. Но легионеры получили результат своего ритуала и нашли в доме пустую бутылку вина и бокал, из которого мама пила в тот вечер. И на основании всего этого вынесли вердикт.

Я не верила в их версию. Мама, конечно, время от времени позволяла себе бокал вина, особенно когда отца не было дома, но она никогда не напивалась. Либо магию легионеров обманули, что было сложно, но возможно, либо сами легионеры солгали. Все знают, что Легион порой покрывает преступления, в которых замешаны представители элиты. Я видела это собственными глазами всего год назад.

Орта — тоже один из древних университетов. После объединения королевств в Первую Республику, Норд Сорроу, ставший ее первым и последним канцлером, поручил создание Орты своим друзьям, которые тоже отказались от своих престолов, — Роне Риддик и Гордону Геллерту. Он не хотел менять традиции Лекса, поэтому просто инициировал создание более демократичной школы, в которой могли бы учиться все желающие. Орта стала первой магической школой молодой Республики. Видимо, именно поэтому нынешний канцлер решил отправить своего сына учиться именно сюда, а не в элитный Лекс: чтобы показать свою близость к народу, поставить знак равенства между своей семьей и семьями других граждан Республики. Только быть равным перед законом у него смелости не хватило.

В прошлом декабре ходили упорные слухи, что его сын — Марек Кролл — напал на одну из девушек со спецкурса и пытался изнасиловать. Обвинения предъявлены не были, его даже не допросили, но о том, что он сделал, шептались еще долго. Дело замяли, и оно больше никогда не всплыло. Даже тогда, когда та девушка со спецкурса оказалась в разы выше по статусу и самого Марека, и его отца. Впрочем, к тому времени канцлер уже отказался от сына по другим причинам

и выслал его за Занавесь, в мир обычных людей, без права возвращения.

Изменения, которые происходили в Республике последние полгода, конечно, очистили Легион, но я очень сомневалась, что тот мог стать кристально чистым за такой короткий срок. И если в смерти моей мамы замешан кто-то из высшего общества, к которому она могла когда-то принадлежать, то никакого честного расследования не будет. Убийца не будет наказан.

От этой мысли у меня в груди вновь разгорался пожар. Тот самый, который появлялся каждый раз, когда другая девушка, нормальная, на моем месте расплакалась бы. Я всегда считала, что неумение плакать — это просто отклонение. Какой-то изъян, сбой в организме. Так всегда говорил мой отец, и я верила ему. Теперь же я задавалась вопросом: могло ли это быть связано с моим настоящим отцом? Какая-то наследственная черта или семейное проклятие? Меня на проклятия проверяли и ничего не нашли, но семейное проклятие, наложенное пару поколений назад, может проявляться у потомков, при этом не обнаруживаясь. Мне все чаще казалось, что если я найду родного отца, то получу ответы на многие вопросы.

А еще, чем больше я обо всем этом думала, тем больше мне хотелось найти родителей мамы, то есть своих бабушку и дедушку. Я не знала, по каким причинам мама порвала с ними связь. Может быть, те плохо восприняли ее беременность? Или она только боялась, что они плохо воспримут ее беременность? Или ее тоже вынуждали за кого-то выйти замуж? Двадцать лет назад, да к тому же в высшем обществе, могли и заставить.

Однако мама умерла, и спросить обо всем этом мне теперь было не у кого. Мой как бы отец прямо сказал, что дальнейшее общение между нами возможно только после того, как я приму предложение руки и сердца его друга и соседа. Да и не факт, что он сам что-то знает о родных мамы или о моем настоящем отце. Где простой фермер — и где люди, обучающиеся в Лексе?

Замуж мне не хотелось. Ни за нашего соседа, ни вообще, честно говоря. Я не видела в браке ничего хорошего. Изо дня в день прислуживать чужому мужчине? Чтобы он при этом постоянно попрекал жену куском хлеба и каждой потраченной на нее кроной? Нет уж! Я мечтала получить образование, найти работу, которая позволит оплачивать счета, и поселиться в крупном городе, где много людей, среди которых можно найти близких мне по духу. Ни там, где я выросла, ни даже в Орте мне этого сделать не удалось. А в большом городе шансов больше. По крайней мере, мне так казалось.

А еще из крупного города проще попасть к морю, оттуда порталы ведут во все уголки Республики. Даже на территории низших, хотя туда я определенно не собиралась наведываться. А вот услышать живую шум волн, пройтись по мелкому песку босыми ногами, окунуться в прозрачную воду — этого всего я хотела. И от всех этих возможностей — от полной свободы — меня отделял всего один учебный год. Я специализировалась в снадобьях, но Мастером становиться не собиралась — слишком долго и слишком дорого учиться. Меня устраивала перспектива стать обычным ремесленником. С таким образованием можно найти хорошую работу при аптеке, больнице или в одной из многочисленных лавок, торгующих разнообразными

снадобьями. Да, я была близка к своей мечте и полной свободе.

Но теперь я хотела не только этого. Я хотела возмездия для мамы и правды для себя. То, о чем раньше я почти не задумывалась, теперь вдруг стало жизненно необходимо: понять, кто я и где мои корни.

Возможное решение всех проблем пришло в голову внезапно, посреди ночи в самый разгар сессии, разбудив и заставив несколько секунд ловить ртом воздух, пока спятившее сердце не успокоится. Решение это выглядело одновременно очень просто и невероятно сложно: мне нужно попасть в Лекс. Только там я могла найти ниточки, которые привели бы меня или к родному отцу, или к родителям мамы. Даже была крошечная вероятность того, что я смогу найти убийцу. Правда, что делать в таком случае, я не представляла.

Простым это решение было потому, что теоретически перевестись на четвертый год в другой университет я могла. Это не воспрещалось. Но речь шла о Лексе! А я официально была дочерью фермера без родословной, уходящей корнями во времена древних королей. Для таких, как я, дорога в Лекс всегда закрыта, и потому это решение было невероятно сложным. И еще одна проблема: плата за обучение. К тому моменту я уже знала, что мама завещала лично мне небольшую сумму, и даже не требовалось достигать совершеннолетия, чтобы потратить ее на что-то вроде учебы. Только этой суммы не хватило бы даже на год обучения в Орте. А в Лексе я и вовсе смогла бы оплатить только один триместр. Впрочем, образовательный кредит никто не отменял, а одного триместра мне бы хватило, чтобы получить его, если я не успею найти то, что мне нужно.

Так что глобально вопрос упирался в одно: как попасть в Лекс?

Я думала об этом целую неделю, но в голову пришел только один вариант: воспользоваться протекцией. Безумная идея. И мне она не нравилась, именно поэтому я пыталась придумать другой вариант. Но его просто не существовало. Я не любила просить, не хотела быть кому-то должной, но желание узнать правду о себе оказалось сильнее гордости. К тому же я все равно планировала влезть в кредитные обязательства, а потому быть должной Яну Норману выглядело уже не так страшно.

Глава 2

У Яна Нормана в Орте учились немногие, но знали о нем все. Мало кто рисковал проходить его курсы, потому что он преподавал дисциплины, связанные с очень непопулярной ныне темной магией. Знали его по той же причине: долгие годы он был единственным темным магом, преподававшим в Орте. До тех пор, пока прошлым летом с его магией что-то не случилось и он не перестал быть темным. Никто толком не знал, что произошло, но факт оставался фактом: в один прекрасный день профессор Норман сменил черный форменный костюм на серый. Это означало, что светлым он все равно не считался.

Его заметно побаивались. Я занималась у него на втором курсе и сама каждый раз входила в аудиторию Нормана с замиранием сердца. При этом никто из нас не мог толком объяснить, что такого страшного мы в нем видим. Он редко повышал голос, всегда был вежлив, но что-то заставляло нас обходить его стороной.